

УДК 130.2 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения)

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ РОССИИ РУБЕЖА XX-XXI ВВ.

© 2021 А.А. Искра

Искра Анна Александровна, аспирант.

E-mail: anna-sh1@yandex.ru

Национальный исследовательский Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 02.06.2021

Предмет статьи: Культурное пространство в контексте России. *Объект статьи:* рубеж XX-XXI вв., влияние трансформаций общества на культурное пространство. *Цель исследования:* актуализировать для научного и учебного мира информацию об изменениях в культурном пространстве: трансформация структуры социальной памяти, обусловленная снижением роли старшего поколения, замещение роли житейского опыта нарративным знанием; возрастание роли государственной власти во всех сегментах общественных отношений, а также влияние экономических факторов, явления бедности и богатства, творческие индустрии и др. *Методология работы:* культурное пространство в России своеобразно и неповторимо. Данный контекст его изучения возможен с помощью культурологического подхода, а также метода дискурс-анализа. *Результаты работы:* пространство культуры – это не физическое, а духовное пространство доминирующих смыслов – знаний, ценностей и идеалов, норм и правил жизни, зафиксированных на трех уровнях: социальном, духовном и технологенном. *Область применения результатов:* переосмысление явлений в культурном пространстве России сегодня – важный шаг в развитии не только теории культуры, но и новый многоуровневый путь в исследовании сегодняшних реалий в информационно-сетевом сообществе, постижении новационных феноменов в культуре, что позволило уточнить/детализировать общие закономерности развития культурного пространства в России. *Вывод:* научная новизна статьи состоит в комплексном анализе материалов, связанных с возрастающей динамикой изменений в восприятии культурного пространства России рубежа XX-XXI вв. Включение этих материалов в научный оборот способствует обогащению научной мысли.

Ключевые слова: Россия, культурное пространство, социальные практики, память, трансформация общества, политический и экономический факторы, контекст дискурс-анализа.
DOI 10.37313/2413-9645-2021-23-78-53-58

Актуальность научного осмысления состояния культурного пространства России, проблемных точек его обновления обусловлена целым рядом теоретических факторов, в том числе его ролью как инструмента передачи новым поколениям свода моральных, этических и эстетических ценностей, составляющих ядро национальной самобытности.

Размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление культурного единства общества прямо отнесено к угрозам национальной безопасности. Необходимость целенаправленного проективного развития российского культурного пространства для преодоления угрозы «гуманитарного кризиса», а также в качестве инструмента «мягкой силы» укрепления роли России на международной арене, подчеркивается в «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года», принятой в 2016 г. [16].

Культурное пространство – искусственная среда, которая находится в процессе ее сотворения Человеком, при этом она должна быть отделена от сиюминутного давления социальной обусловленности. Исследования в этом направлении еще не дают окончательного представления, является ли производство культуры, присущее человеку, средством создания социальных объединений. Диалектический подход здесь кажется наиболее плодотворным, однако исследователи И.М. Гуткина, П.И. Касаткин, Е.В. Орлова приходят к

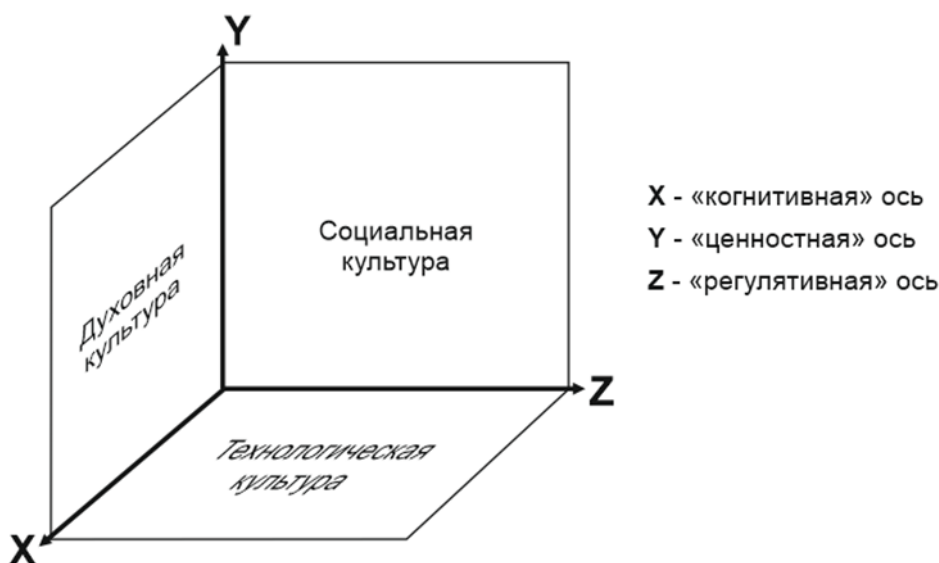
выводу, что культурное пространство отражает связь явления или группы явлений с историческим процессом фиксации общественного или даже цивилизационного опыта, а пространство культуры обозначает среду самореализации различных уровней опыта [2]; [9]; [13]. Настоящее несет угрозу культурному пространству через разрушение его гетерохронной связи с цивилизационным продуктом. Философ М.Я. Сараф поясняет этот процесс: «Мифологизируется и сочиняется наново история, рушатся фундаментальные связи с культурным пространством уже достигнутого и более высокого уровня организации и функциональности. Процесс расширения и активизации анклавов прямо направлен на уничтожение классического культурного пространства, на его вытеснение и замену закрытыми анклавами, архаичными (хотя их называют традиционными) пространствами культуры» [18].

Отношение этих сфер, по сути, отражают отношения человека с «силой», «богатством», «властью». «В культурном пространстве выделяется совокупность форм культуры, которые определяют социальные отношения людей, их взаимодействие в обществе. Сюда относится нравственная, правовая, политическая культура. В этих формах культуры фиксируются социальные ценности и идеалы, а также общие регулятивы поведения, движимого стремлением к ним», – отмечают культурологи А.С. Кармин и Е.С. Новикова [7, с. 134].

Благодаря осмыслению значимости духовных и материальных продуктов деятельности по формированию исторического наследия, культурное пространство выступает формой рационализации памяти об окружающей среде. Вопрос различения понятий «культурное пространство» и «пространство культуры» в теории культуры не был актуален до недавнего времени. Кармин в 1999 г., описывая «пространство культуры», в терминах сегодняшнего дня, по сути,

говорит именно о «культурном пространстве»: «Люди живут в пространстве культуры. Так же, как воздух, которым мы дышим, нас окружает воздух культуры, которым дышит наша душа. Пространство культуры – это не физическое, а духовное пространство. Это пространство смыслов – знаний, ценностей и идеалов, норм и правил жизни» [7, с. 66]. Модель этого пространства графически можно отобразить так:

Пространственная модель культуры

Духовная культура отвечает за развитие когнитивных парадигм, к которым можно отнести житейскую, мистическую и рациональную – образцы, по которым строится знание о мире. И также отвечает за институализацию ценностей, которые можно разделить на финальные, инструментальные и производные. Именно в этой своей функции духовная культура наиболее тесно взаимодействует с социальной.

В результате социальных изменений два самых серьезных обстоятельства существенно повлияли на трансформацию российского культурного пространства за последние два десятилетия.

Первое из них связано с социальной памятью, о чем пишет В.А. Ребрин: «Социальная память – это осуществляемая обществом с помощью специальных институтов, устройств, средств, процессов фиксации в общезначимой форме, систематизации и хранения (вне индивидуальных человеческих голов). Эта память – неотъемлемый элемент духовной жизни общества, его общественного сознания» [17, с. 44-45]. Культурное пространство является актуализированным фрагментом социальной памяти. В текущем общественном процессе культурное пространство создается в результате взаимоотношений множества пространств культуры.

В сфере культурного пространства социальная память обуславливает его фиксацию, развитие и трансформации (процесс изменения, но не обязательно развития, происходящий в очень короткие сроки). Трансформация возможна за счет изменений в системе ценностей, способов их институализации, целенаправленного воздействия ради смены направления развития когнитивных парадигм. Возможность такой трансформации заложена в самой вторичной природе социально обусловленного познания мира. «Проследив хотя бы в самых общих чертах процесс получения человеком представлений и понятий о мире, составляющих, как принято считать, его мировоззрение, мы прежде всего обнаружим, что ни один человек не изучает непосредственно, эмпирически «мир в целом». Большую часть знаний он получает из самых различных источников – книг, аудио, телевидения, бесед с другими людьми и т.д. Во всех этих случаях он имеет дело не непосредственно с явлениями, а с их отображением, уже прошедшим через сознание людей и «записанным» в памяти общества», – пишет В.А. Колеватов [10, с.143].

Существенным источником знания о мире, о добре и зле, развитии эстетических и этических понятий на протяжении столетий являлась традиционная семья, где минимум три поколения находящихся в родственной связи людей проживали вместе. Семья была

основной единицей наблюдения с помощью переписи в Советском Союзе, пока в 2002 г. «в связи с изменением жилищных условий населения, родственных связей проживающих совместно людей» [15] такой единицей становится домохозяйство. Решение было принято по предложению ООН.

Следует отметить, что такое изменение единицы наблюдения затруднило в дальнейшем анализ феномена семьи. И если проведенная в 1994 г. микроперепись показала, что всего 11,7% домохозяйств по своему составу могут содержать три поколения, проживающих вместе [4], то в 2002 г. способ представления данных переписи еще более затруднил анализ состава семей.

В результате переписи 2010 г., по той методике подсчета, число таких (потенциально) семей снова сократилось (10,8% [12]). Данные этой переписи интересны еще и тем, что показывают отсутствие желания совместного проживания поколений, а отнюдь не недостаток представителей старшего поколения для образования традиционных семей. Это видно из того, что при росте числа членов домохозяйства старше 65 лет от двух (предположительно основу составляет пожилая семейная пара) к трем (незамужняя дочь, неженатый сын, внук или внучка) число таких домохозяйств падает более чем в два с половиной раза. В настоящий момент исследователи констатируют снижение роли житейского опыта в структуре социальной памяти. Опытное знание противостоит по своему смыслу экспертному знанию. Носитель последнего – *opening leader* – приносит в общество нарративное знание (от лат. слов «*pagare*» и «*gnarus*», то есть знающий о чем-либо эксперт) [6, с. 89].

Приведенные выше данные показывают, что проблема с замещением нарративом опытной информации не является следствием развития технологической культуры. Цифровая революция, происходившая в XXI в., привела к перераспределению источников социальной памяти, но не явилась причиной этому. Можно наблюдать планомерное снижение значимости роли пожилых людей в формировании социальной памяти.

Вторым обстоятельством, существенно повлиявшим на трансформацию российского культурного пространства за последнюю пару десятилетий, становится возрастание роли государственной власти во всех сегментах общественных отношений. В сфере социальной культуры наблюдается разрушение подлинно политического подхода: «С каждым последующим годом (после 2000 г. – прим. авт.) другие политические фигуры, кроме президента, становились для граждан все менее авторитетными, их голоса – менее слышными, а образы – менее различимыми. А «президентский полус» постепенно подминал под себя все больше политическое пространство, фактически поглотив сначала исполнительную власть, затем – представительную, информационную, начал подминать уже и региональную... Вот уже несколько лет ощущается идеологический вакуум, ставший результатом стремительного

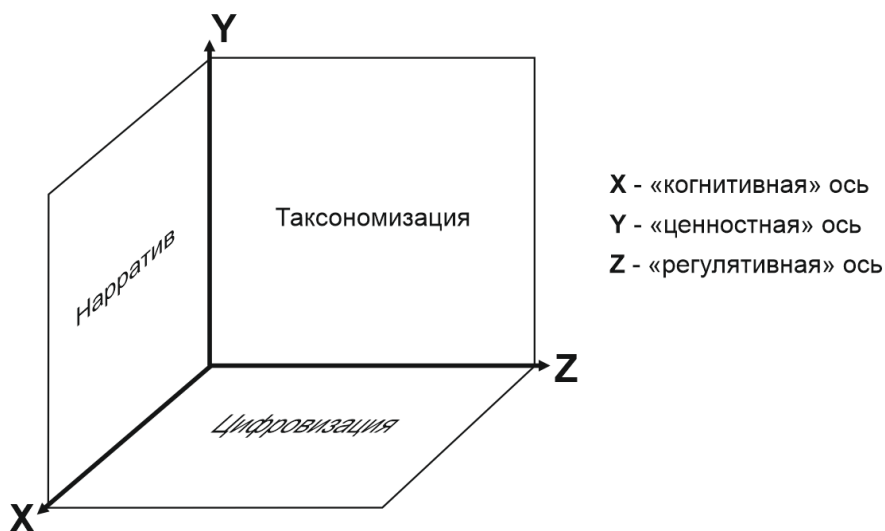
«разоружения» оппозиции перед президентом» [5, с. 7].

Отмеченное учеными в полемической книге «Россия на перепутье...» заставляет задуматься о том, что чисто политического пространства среди множества пространств культуры более не существует. Имеет место процесс тотальной реорганизации пространств культуры. Однако конец политики и рост государственной воли во всех пространствах культуры символизирует конец свободных взаимоотношений и борьбы этих пространств и объективирует их системную реорганизацию в соответствии с планами, которые принято называть социальной инженерией. З. Бауман выразил причину этих процессов следующим образом: «С углублением пропасти между властью и политикой – т.е. возможностью что-то сделать и возможностью решать, что нужно делать в рамках территориально суверенного государства, – исходная идея достичь человеческого счастья посредством проектирования и построения общества, восприимчивого к человеческим потребностям, чаяниям и стремлениям, становилась все более призрачной в силу отсутствия института, уполномоченного решать такую невероятно сложную задачу» [1, с. 442].

Прекращение естественного развития социальной культуры и ее структуризация относится к области анализа, вышедшего из-под крыла систематики – типологизации на основе таксономии, то есть соподчинения взаимонезависимых иерархических структур [18]. Таксономизация на сегодняшний день наиболее точное определение процессов, происходящих в социальной культуре под влиянием государственной власти, где последняя определяет темы дискуссий, содержание нарративов, будущие состояния общества.

Возвращаясь к представленной модели пространства культуры Кармина, отметим, что роль фактора технологического развития несколько переоценена, хотя революция цифровизации так или иначе остается наиболее значимым фактором преобразования технологической культуры. Для трансформации некоторых областей социальной практики пространство технологической культуры может служить источником перестройки, но для культурного пространства в целом роль носителя остается вторичным элементом, поскольку принципиально значимым является процесс обретения наследия, его принятия, осмысления того, что значит быть человеком. При этом источниками такой информации являются и социальные сети, и книги, и фильмы, и уголовный кодекс. Все это источники знания о мире, отвергать которые недопустимо. Пожалуй, наиболее значимое влияние на процесс преобразования общества в последние годы оказали социальные сети, которые перенесли общение в онлайн-среду и технологии VR, грозящие полным устранением пожилых членов общества от участия в его проективных процессах развития [10]. Если предположить модель антиутопии ближайшего будущего, базируясь на модели Кармина, то она будет выглядеть так:

Результат трансформации культурного пространства

Важным моментом, о котором нельзя забывать, является то, что только культурологический подход позволяет включать в анализ не только фактические данные, но и образные, проективные: «Лик ангела истории обращен к прошлому. Там, где для нас – цепочка предстоящих событий, там он видит сплошную катастрофу, непрестанно громоздящую руины над руинами и сваливающую все это к его ногам. Он бы и остался, чтобы поднять мертвых и слепить обломки. Но шквальным ветер, несущийся из рая, наполняет его крылья с такой силой, что он уже не может их сложить. Ветер неудержимо несет его в будущее, к которому он обращен спиной, в то время как гора обломков перед ним

поднимается к небу. То, что мы называем прогрессом, и есть этот шквал» [1, с. 84].

К этому можно лишь добавить, что пространство, в котором происходит эта мистерия создания социальной памяти, и есть культурное пространство. Задача научного сообщества как добросовестного служителя истории: не оставлять нагромождение руин – неосмысленных событий, имеющих социальную и культурную значимость; для того, чтобы история базировала свое знание на истине доступного нам понимания на каждом конкретном этапе нашей жизни, предопределяя будущее человечества вектором развития его культуры.

1. Бауман, З. Ретротопия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - № 6, 2018. - С. 435-442.
2. Гуткина, И. М. Культурное пространство: проблемы и перспективы изучения // Философия и современность. - Саратов: Научная книга, 2003. - С. 79-87.
3. Данто, А. Аналитическая философия истории // Пер. с англ. А.Л. Никифорова и др. - М: Идея-Пресс, 2002. - 292 с.
4. Елисеева, И. И. Социальная статистика. Эл. издание, 2001. Эл. ресурс: http://sbiblio.com/biblio/archive/noname_socstat/ec3.aspx (дата обращения: 02.08.2020).
5. Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. ВЦИОМ. - М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. - 320 с.
6. Карабаева, А. Г. Нарратив в науке и образовании // Сер. «Symposium»: Инновации и образование. - Вып. 29. - СПб.: СПб философское общество, 2003. - С.89-96.
7. Кармин А.С, Новикова Е.С. Культурология. - СПб.: Питер, 2005. - 464 с.
8. Касаткин П.И. Культурное пространство: аксиологический аспект // Жур. Знание. Понимание. Умение, 2017. - № 4. - С. 145-156.
9. Кожевников Е. Как виртуальная реальность избавит пожилых людей от одиночества. Эл. ресурс: <https://news.ru/technology/virtualnaya-realnost-izbavit-pozhilyh-lyudej-ot-odinchestva/> (дата обращения: 01.08.2020).
10. Колеватов В.А. Социальная память и познание. - М.: Мысль, 1984. - 190 с.
11. Конфликтология / Под ред. А.С. Кармина. - СПб.: Изд-во «Лань», 1999. - 448 с.
12. Население частных домохозяйств по полу и возрастным группам. [Эл. Ресурс]. - URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_06_10.htm (дата обращения 16.08.2020).
13. Орлова, Е. В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. - 2010. - № 18. [Эл. Ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-opredelenie-spetsifika-struktura> (дата обращения: 03.08.2020).
14. Осорина, М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. - СПб.: Питер, 2008. - 304 с.
15. Официальный сайт «Всероссийской переписи населения 2020 года (ВПН-2020), «Медиаофис». [Эл. Ресурс]. - URL: <https://www.strana2020.ru/media-office/tsifry-rossii-kto-v-dome-khozyain/> (дата обращения 16.08.2020).

16. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» от 29 февраля 2016 года N 326-р (с изменениями на 30 марта 2018 года). [Эл. Ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения 16.08.2020).
17. Ребрин В. А. Методологические проблемы социалистического общественного сознания. – Новосибирск, 1974. – 169 с.
18. Сараф М. Я. Культурное пространство и пространство культуры: цивилизационная гетерохронность // Россия: тенденции и перспективы развития. - 2017. – №12-13. [Эл. Ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-i-prostranstvo-kultury-tsvivilizatsionnaya-geterohronnost> (дата обращения: 31.07.2020).
19. Фролов Д. П. Многоуровневая иерархия экономического пространства: формирование эволюционной таксономии // Журн. Пространственная экономика, 2013. – № 4. – С. 122-150.

CULTURAL SPACE IN THE CONTEXT OF RUSSIA BOUNDARIES XX-XXI CENTURIES

© 2021 A.A. Iskra

Anna A. Iskra, postgraduate student.

E-mail: anna-sh1@yandex.ru

National Research Moscow State University named after M.V. Lomonosov.
Moscow, Russia

Subject of the article: Cultural space in the context of Russia. *Object of the article:* the turn of the XX-XXI centuries, the impact of the transformations of society on the cultural space. *The goal of the project:* to update the information on changes in the cultural space for the scientific and educational world: transformation of the structure of social memory, due to the decrease in the role of the older generation, replacement of the role of everyday experience with narrative knowledge; the growing role of state power in all segments of social relations, as well as the influence of economic factors, the phenomena of poverty and wealth, creative industries in others. *Methodology of work:* the cultural space in Russia is peculiar and unique. This context of its study is possible with the help of a cultural approach, as well as the method of discourse analysis. *Results of the work:* the space of culture is not a physical, but a spiritual space of dominant meanings - knowledge, values and ideals, norms and rules of life, fixed at three levels: social, spiritual and technological. Scope of the results: rethinking the phenomena in the cultural space of Russia today is an important step in the development of not only the theory of culture, but also a new multilevel path in the study of today's realities in the information network community, comprehending innovative phenomena in culture, which made it possible to clarify / detail the general patterns of development cultural space in Russia. *Conclusion:* the scientific novelty of the article consists in a comprehensive analysis of materials associated with the increasing dynamics of changes in the perception of the cultural space of Russia at the turn of the XX-XXI centuries. The inclusion of these materials in scientific circulation contributes to the enrichment of scientific thought. The conclusions presented in the scientific review are reasoned and logical.

Keywords: Russia, cultural space, social practices, memory, social transformation, political and economic factors, context of discourse analysis.

DOI 10.37313/2413-9645-2021-23-78-53-58

1. Bauman, Z. Retrotopiya. // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny. - № 6, 2018. – S. 435-442.
2. Gutkina, I. M. Kul'turnoye prostranstvo: problemy i perspektivy izucheniya (Cultural space: problems and perspectives of study) // Filosofiya i sovremennost'. – Saratov: Nauchnaya kniga, 2003. – S. 79-87.
3. Danto, A. Analiticheskaya filosofiya istorii (Analytical philosophy of history) // Per. s angl. A.L. Nikiforova i dr. – M: Ideya-Press, 2002. – 292 s.
4. Yeliseyeva, I. I. Sotsial'naya statistika (Social statistics). El. izdaniye, 2001. El. resurs: http://sbiblio.com/biblio/archive/noname_socstat/ec3.aspx (data obrashcheniya: 02.08.2020).
5. Kak my dumali v 2004 godu: Rossiya na pereput'ye (As we thought in 2004: Russia at a crossroads). VTSIOM. – M.: Izd-vo Eksmo, Izd-vo Algoritm, 2005. – 320 s.
6. Karabayeva, A. G. Narrativ v nauke i obrazovanii (Narrative in science and education) // Ser. «Symposium»: Innovatsii i obrazovaniye. – Vyp. 29. – SPb.: SPb filosofskoye obshchestvo, 2003. – С.89-96.
7. Karmin, A. S, Novikova, Ye. S. Kul'turologiya (Culturology). – SPb.: Piter, 2005. – 464 s.
8. Kasatkin P.I. Kul'turnoye prostranstvo: aksiologicheskii aspekt (Cultural space: axiological aspect) // Zhur. Znaniye. Ponimaniye. Umeniye, 2017. – № 4. – S. 145-156.
9. Kozhevnikov, Ye. Kak virtual'naya real'nost' izbavit pozhilykh lyudey ot odinochestva (How virtual reality will save the elderly from loneliness). El. resurs: <https://news.ru/technology/virtualnaya-realnost-izbavit-pozhilyh-lyudej-ot-odinochestva/> (data obrashcheniya: 01.08.2020).
10. Kolevatov, V. A. Sotsial'naya pamyat' i poznaniye (Social memory and cognition). – M.: Mysl', 1984. – 190 s.
11. Konfliktologiya (Conflictology) / Pod red. A.S. Karmina. – SPb.: Izd-vo «Lan'», 1999. – 448 s.
12. Naseleniye chastnykh domokhozyaystv po polu i vozrastnym gruppam (Population of private households by sex and age groups). [El. Resurs]. – URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_06_10.htm (data obrashcheniya 16.08.2020).
13. Orlova, Ye. V. Kul'turnoye prostranstvo: opredeleniye, spetsifika, struktura (Cultural space: definition, specificity, structure) // Analitika kul'turologii. - 2010. – № 18. [El. Resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-opredelenie-spetsifika-struktura> (data obrashcheniya: 03.08.2020).
14. Osorina, M. V. Sekretnyy mir detey v prostranstve mira vzroslykh (The secret world of children in the space of the world of adults). – SPb.: Piter, 2008. – 304 s.

15. Ofitsial'nyy sayt «Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2020 goda (VPN-2020), «Mediaofis» (Official site of the All-Russian Population Census 2020 (VPN-2020)). [El. Resurs]. – URL: <https://www.strana2020.ru/media-office/tsifry-rossii-kto-v-dome-khozyain/> (data obrashcheniya 16.08.2020).
16. Rasporyazheniye Pravitel'stva RF «Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoy kul'turnoy politiki na period do 2030 goda» ot 29 fevralya 2016 goda N 326-r (s izmeneniyami na 30 marta 2018 goda) (Order of the Government of the Russian Federation "On approval of the Strategy of state cultural policy for the period up to 2030" dated February 29, 2016 N 326-r (as amended on March 30, 2018)). [El. Resurs]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/420340006> (data obrashcheniya 16.08.2020).
17. Rebrin V.A. Metodologicheskiye problemy sotsialisticheskogo obshchestvennogo soznaniya (Methodological problems of socialist public consciousness). – Novosibirsk, 1974. – 169 s.
18. Saraf, M.Ya. Kul'turnoye prostranstvo i prostranstvo kul'tury: tsivilizatsionnaya geterokhronnost' (Cultural space and cultural space: civilizational heterochronism) // Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. - 2017. – №12-13. [El. Resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-i-prostranstvo-kul'tury-tsvilizatsionnaya-geterokhronnost> (data obrashcheniya: 31.07.2020).
19. Frolov, D. P. Mnogourovnevaya iyerarkhiya ekonomicheskogo prostranstva: formirovaniye evolyutsionnoy taksonomii (Multilevel hierarchy of economic space: the formation of evolutionary taxonomy) // Zhur. Prostranstvennaya ekonomika, 2013. – № 4. – S. 122-150.